

ВОЛЬНЫЙ 4 ЛЕКАРЬ

УЧЕНИК

СЕРГЕЙ КАРЕЛИН

ЕГОР ЗЛОТАРЕВ

**Егор Золотарев
Сергей Карелин**

Вольный лекарь. Ученик. Том 4

<https://litres.ru/73997683>

SelfPub; 2026

Аннотация

Я был вынужден покинуть Иркутск раньше, чем рассчитывал. В городе у меня остались друзья и более-менее стабильная жизнь, но единственная возможность спастись от тюрьмы – снова пуститься в путь. Теперь я отправляюсь в столицу, чтобы поступить в медицинскую академию. Я не знаю с какими опасностями, лихими людьми и загадочными сущностями мне предстоит столкнуться по дороге, но знаю точно, если руномаг ставит себе цель, то остановить его может только смерть.

Егор Золотарев, Сергей Карелин Вольный лекарь. Ученик. Том 4

Глава 1

Пепельная шла по дороге, покрытой булыжниками, и стук ее копыт звонко разносился по опустевшему и притихшему городу. По пути попадались редкие прохожие. Вот фонарщик на нетвердых ногах идет вдоль дороги и напевает под нос веселенькую песенку. Через пару десятков метров встретились трое рабочих в комбинезонах кирпичного завода. Почти у каждого дома лениво брехала собака. Все было как всегда. Единственное, что поменялось — мое внутреннее состояние.

Я был растерян и впервые за последнее время не знал, что делать. Городничий дал мне срок до утра убраться из города, но я не был готов к этому. Единственный путь — на Москву. Но как туда добраться? Я никого не расспросил о дороге, и карты у меня не было. Даже сейчас я просто позволил Пепельной идти, совершенно не понимая, в правильном ли

направлении она двигается.

Немного придя в себя, я вспомнил, что из города много дорог ведут в разные стороны и к разным поселениям, поэтому решил остановиться и спросить у кого-нибудь, в каком направлении двигаться на Москву, но сейчас, как назло, на улице никого не было.

Пепельная все шла и шла, а я удивился тому, что спустя полчаса пути так никого и не встретил. Эх, надо было у рабочих спросить. Даже пришла мысль развернуть лошадь и догнать их, но тут вдаль увидел фигуру в белой рубаше.

Тут же двинув Пепельную пятками по бокам, поскакал к человеку. Когда подъехал ближе, увидел, что человек, которого сначала принял за мужчину, оказался женщиной в коротком белом платье. Неожиданно, ведь женщины здесь прикрывали все тело и даже прятали волосы под платками, а эта стоит у фонаря с распущенными космами и в тонком платьице, сквозь которое просвечивают темные соски.

Она пошла мне навстречу и остановилась у морды Пепельной. Я внимательно ее осмотрел: губы накрашены красной помадой, на щеках красные кружки, наверняка сделанные этой же помадой, брови неестественно черные. Она слегка улыбнулась и, приподняв подол и так короткого платья, кокетливо спросила:

— Господин, не желаете ли провести со мной ночь?

Голос у нее был с легкой хрипотцой, а взгляд таким наглым и изучающим, что мне почему-то стало неловко. В про-

шлой жизни я часто встречал подобных женщин, но в этом мире — ни разу, поэтому немного растерялся и на мгновение задумался.

— Соглашайся, много не попрошу, — она сделала еще шаг, протянула руку и провела по моему бедру. — А-а-а, так ты еще совсем молоденький. Может, ты еще никогда не был с женщиной-то? Тем более соглашайся. Эту ночь ты никогда не забудешь, — она приоткрыла рот и призывно облизала губы.

— Э-э-э, я вообще-то тороплюсь, — ответил я, сглотнув. — Лучше дорогу подскажи.

Женщина непонимающе уставилась на меня и отдернула руку.

— Не подскажу, — буркнула она, развернулась и хотела уйти, но я крикнул её вслед.

— Заплачу.

Она остановилась, с подозрением посмотрела на меня и протянула руку.

— Сначала деньги, а то знаю я вас. Все только и норовят воспользоваться, а как дело до денег доходит, оказывается, что в кармане ни гроша.

— Сколько? — спросил я и полез в карман, в который положил мелочи на мелкие расходы. Остальные деньги держал в рюкзаке, который купил сразу после похода на сопку, ведь мне очень понравился рюкзак Семена, в котором было много кармашков для удобного хранения.

Женщина слегка улыбкунулась, и я заметил, как взгляд ее блеснул в свете уличного фонаря.

— Рубль за час, а если на всю ночь — можно договориться.

— Нет, мне только спросить, — напомнил я, на что женщина с раздражением выдохнула.

— Дай десять копеек, и будет с тебя, — она протянула руку, в которую я опустил монету. — Что спросить хотел?

— По какой дороге ехать в Москву?

Брови жрицы любви поползли вверх.

— В Москву собрался? Один?

— Да, а что такого?

— Ничего, — пожала она плечами. — Первый раз вижу человека, который готов ехать в такую даль в одиночку. Пропадешь ведь. Полно разбойников и прочего жулья.

— Это уже мои заботы. Куда ехать? — я начал раздражаться.

Женщина уперла руки в бока и огляделась, затем поцокала языком и махнула рукой куда-то в сторону.

— Влево возьми. На паром тебе надо.

— К Ангаре спуститься? — уточнил я.

— Да, зря вообще сюда поехал. Теперь крюк надо делать, — она наклонилась и спрятала монету в свои стоптанные набок туфли.

— Как паром найти?

— А что его искать? Небось один он. Спустишь и езжай

по набережной. Мимо не проедешь, — она развернулась и снова подошла к фонарю.

Вот она — ночная бабочка, которую видно издалека в ее белом платье.

Я развернул Пепельную и поехал в сторону Ангары. Женщина была права, пришлось делать довольно большой крюк, чтобы в полутьме не искать дорогу среди заводских строений, складов и прочих построек, которых в этой части города было огромное количество.

Когда добрался до парома, уже начало светать. Спешившись, подошел к мужчинам, стоящим на широкой пристани и неспешно о чем-то беседующим.

— Приветствую, — подал я голос, обращая на себя внимание. — Мне бы переправиться на другой берег.

Мужчины повернулись ко мне, бегло оглядели, но тут же потеряли интерес. Только один из них бросил через плечо:

— Жди утра. Первый рейс в пять часов.

— Спасибо, — я взял Пепельную под уздцы и осмотрелся.

Лезть в рюкзак за часами не стал: и так понятно, что сейчас около двух часов ночи. Ждать еще долго, поэтому повел лошадь с пристани на песчаный берег. У реки, над которой стоял плотный туман, было довольно прохладно, поэтому я полез в мешок с вещами, прикрепленный к седлу, и вытащил кафтан. Застегнувшись на все пуговицы, опустился на бревно и начал ждать.

Мысли непрерывным потоком проносились в голове.

Ночная бабочка в белом платье права — в дороге одному опасно. Поэтому надо прибиться к какому-нибудь каравану или попутным всадникам. Эх, зря карту не приобрел. Теперь на каждом перепутье надо голову ломать, туда ли поехал или совсем в другую сторону взял.

Жаль, что провалились мои планы о совместном путешествии с Полиной и Сергеем. С ними дорога была бы интереснее, веселее и гораздо приятнее. Как же все быстро меняется в моей жизни. Не успеваю я привыкнуть к одному положению вещей, как снова что-то случается и все меняется.

Теперь моя прошлая жизнь кажется стабильной и даже скучной, ведь тогда я точно знал, что меня ждет завтра, и планировал свою жизнь на годы вперед. Теперь же каждый день — вызов. С одной стороны, меня это совсем не пугало. Но, с другой, хотелось хоть немного спокойствия и уверенности в будущем.

Время шло мучительно медленно. Пепельная прохаживалась неподалеку и щипала молодую траву, я же совсем замерз. С Ангары поднялся ветер, который рассеивал туман и в то же время пронизывал меня насквозь.

Я потер окоченевшие пальцы и уже хотел воспользоваться энергией и нарисовать руну, но тут мой взгляд упал на выброшенные на берег белые куски деревьев. Быстро собрав их, разжег костер и, подтащив бревно, опустился рядом.

Веселый треск костра и тепло, исходящее от пламени, вмиг прогнали тяжелые мысли. Все у меня получится. Добе-

речь до Москвы, поступлю в академию, отучусь и свяжу свою нынешнюю жизнь с медициной.

Вскоре к моему костру подошли еще несколько человек, которые так же, как и я, ждали, когда паром начнёт ходить. Среди них был пожилой мужчина с двумя сыновьями-подростками и две старухи с котомками за спинами и с клюками в руках.

— Ну и погодка, — сказал мужчина и поднес руки к огню. — Аж до костей пробирает. Говорят, лето будет засушливое.

— Верь ты им больше, — одна из старух опустилась рядом со мной, вытащила из кармана телогрейки большой печатный пряник и без слов протянула мне.

Видимо, таким образом платила за возможность погреться у моего костра. Я принял дар и поделился пряником с парнями, которые бросили на него жадный взгляд.

— Что ж не верить? Приметы не просто так появляются. Годами проверены, — возразил мужчина и с кряхтением опустился на корточки. Коленные суставы застонали и захрустели.

— Вранье все, — махнула рукой старуха. — Старики всегда говорили: суровая зима — жаркое лето. Каждый год зима нас морозит, а лето то дождливое и все гниет на грядках, то засушливое и приходится с ведрами мучиться, то холодное и ничего не растёт. Никому веры нет.

— Ох, Михайловна, вечно ты ворчишь, — усмехнулся мужчина. — Видать, поэтому твой Витя к соседке сбежал на

старости лет.

— И пусть. Мне же лучше. Теперь сама себе хозяйка. Что хочу, то и делаю, — махнула она рукой.

Вдруг вторая старуха, которая какое-то время внимательно смотрела на меня, подошла поближе и спросила:

— Смотрю и не пойму: ты или не ты? Очень уж на знахаря нашего похож. На Степана-духогляда.

— Я и есть Степан, — кивнул я.

В тот же миг все внимание было обращено ко мне. Почти у каждого нашлись болячки, которые нужно вылечить. Посыпались вопросы по поводу здоровья, правильного питания и тому подобное. Мне было приятно такое внимание, ведь именно в эти моменты я чувствовал себя значимым и нужным. Ну и понятно спросили, почему я уезжаю, на что постарался ответить как можно более расплывчато.

К пяти утра, вокруг меня уже собралась целая толпа. Кто-то просто подошел посмотреть, по какому поводу собрание. А кто-то попросил лечения прямо здесь, на берегу Ангары.

— Эй, будете переплавляться или еще час подождете? — крикнул в нашу сторону с пристани бородатый мужчина в синем костюме из грубой плотной ткани и такого же цвета фуражке.

Люди вмиг потянулись к пристани. Я забросал песком догорающий костер, подозвал Пепельную и, взяв ее под уздцы, повел к парому.

Паром представлял собой два плоскодонных судна, соеди-

ненных общим помостом для людей и экипажей. К раме парома был прикреплен длинный толстый канат, противоположный конец которого утопал в середине реки. Раньше я никогда не встречал подобной конструкции, поэтому не мог понять, каким образом паром доставит людей на другой берег.

— С тебя пять копеек. За лошадь еще десять, — сказал тот самый бородатый мужчина.

Я расплатился и повел лошадь к парому. К отплытию судна люди все прибывали и прибывали. Многие заезжали на большой паром прямо с экипажами. Также рабочие перетаскивали с повозок различные грузы: деревянные ящики с прибитыми крышками, мешки и бочки.

Привязав лошадь к жерди, погладил ее по морде и на всякий случай нарисовал руну «Гармонии», ведь лошадь явно занервничала, когда поднялась на плавно качающийся паром.

Через минут двадцать все, кто явился к этому часу, прошли на судно, и бородач дал указание тем работникам, что стояли на пристани:

— Отвязывай!

Кто-то так же, как и я, замер, не зная, что будет дальше, но остальные продолжили разговаривать, смеяться и обсуждать последние новости.

Нагруженный паром медленно двинулся с места. Канат, что был привязан к нему, натянулся, а сильное течение ши-

рокой глубоководной реки принялось подгонять, казалось бы, неповоротливое судно.

Паром легко заскользил по воде, оставляя за собой мелкую рябь. В ушах засвистел ветер, послышался далекий крик чаек. Время будто замедлилось. Именно в этот самый момент я понял, что прежняя жизнь закончилась. Все, что со мной происходило, осталось на той стороне Ангары, а впереди меня ждет новая жизнь.

Сердце наполнилось надеждой на светлое будущее, которое во многом зависит именно от меня. И я сделаю все, что в моих силах, чтобы прожить долгую и достойную жизнь и оставить только хорошие воспоминания о Степане Устинове.

Когда паром достиг середины реки и начал приближаться к противоположному берегу, я понял как он работает. Давление воды переносило судно от одного берега к другому по принципу маятника. Умно придумано.

Через несколько минут паром прибыл к противоположному берегу, и в толпе послышался вздох облегчения. Я тоже расслабился, хотя до этого стоял, вцепившись в жердь.

Когда паром закрепили и друг за другом все начали переходить по широким деревянным мосткам на берег, первые лучи солнца коснулись зеркальной глади Ангары. Ну вот и все, прощай, Иркутск. Жди, Москва.

Я повел Пепельную по деревянным мосткам, спустил с пристани и отошел в сторону. Вокруг, насколько хватало

глаз, стояли различные постройкИ: амбары с большими навесными замками, склады с охраной и злой собакой, сарайчики рыбаков и прочее. Вдали виднелись дома. Похоже, город начал разрастаться и на эту сторону реки.

Позволив лошади напиться, повел ее по грязной грунтовой дороге. Сначала дорога была одна, но вскоре вдалеке показался перекресток. Самое время спросить верное направление. Оглядевшись, увидел старика-сторожа у одного из складов. Он сидел на скамейке и чистил прошлогоднюю кедровую шишку. У его ног развалился большой лохматый пес, а рядом было прислонено старое ружье с потрескавшимся деревянным прикладом.

— Приветствую, — поздоровался я и с трудом удержал Пепельную, которая хотела рвануть вбок, испугавшись грозного рычания пса. Лохматый защитник в мгновение ока оказался на ногах и, приняв угрожающую стойку, злобно рычал.

— Утречка доброго. Чего хотел? — миролюбиво ответил старик и цыкнул на пса, который тут же умолк и снова лег на землю, но не спускал с меня настороженного взгляда.

— Подскажите дорогу до Москвы.

— В Москву собрался? — удивленно спросил он и осмотрелся. — Один?

— Да.

— Зря ты это затеял. Дорога длинная, чего только не случается. Надо было кого-нибудь в помощь взять.

— Некого брать, — честно признался я. — Ну так что,

покажете или у другого спросить?

— Подскажу, чего ж не подсказать, — он поднялся на ноги и указал на перекресток. — Влево возьми. Прямоком до тракта доберешься. По нему до самого Красноярска поедешь, а дальше спросишь.

— Спасибо, — кивнул я и хотел продолжить путь, но решил еще кое-что уточнить. — К вечеру до Красноярска доберусь?

Старик замер на мгновение, всматриваясь в мое лицо.

— Шутишь али как?

— Нет, не шучу. Я действительно не знаю, как далеко отсюда Красноярск.

Он тяжело вздохнул, покачал головой и, взглянув на меня как на умалишенного, ответил:

— Если дождей не будет, то недели за три можно добраться. А если дожди будут, то так дорогу развезет, что больше месяца уйдет.

— Как больше месяца? — напрягся я. — Мне ведь к середине лета в Москве надо быть!

Старик лишь развел руками. Руночерть задери эту глушь! Я же не успею!

Взобравшись на Пепельную, поехал к перекрестку и, выбрав указанную дорогу, пустил лошадь рысью. Нужно как можно быстрее преодолеть этот длинный путь. Наверняка от Красноярска до Москвы можно быстрее добраться. И почему я раньше не интересовался этим путем?

Не один я торопился прочь от Иркутска. По пути встречались повозки, временами меня обгоняли другие всадники. Мне не хотелось отставать, поэтому, махая рукой, я подгонял Пепельную, пока узкая проселочная дорога не свернула на широкую. Похоже, это и есть тракт.

Передо мной раскинулась дорога, с двух сторон обрамленная густым мрачным лесом. Легкая дымка тумана стелилась над расчищенной полосой земли, убегающей вдаль. Я чуть притормозил лошадь и дал ей возможность отдохнуть, а сам спрыгнул на землю и осмотрелся.

Теперь я понял, почему старик сказал про дожди. Сейчас земля сухая и потрескавшаяся, но на ней множество различных следов: ног, копыт, колес. Глина. Как только она размякнет, то превратится в непролазную грязь. Надо как можно быстрее уехать отсюда. Возможно, дальше дорога будет лучше.

Поправив привязанные на седле мешки, поехал дальше. По пути мне то и дело встречались различные поселения, расположившиеся по обе стороны от дороги. В одну из деревень я заехал и купил кринку молока и буханку свежего хлеба. Узнав о том, что я еду по тракту в Красноярск, один мальчик лет десяти увязался следом. Сначала я ему велел возвращаться домой, но он лишь останавливался, чтобы потом, когда я отвернусь, снова идти за мной. Пару раз пригрозил, что отлуплю, если не отвяжется, но на него это никак не подействовало. В общем, пришлось взбираться на лошадь и

рысью уезжать от приставучего мальчика.

К вечеру, когда начало темнеть, я добрался до почтовой станции, где решил остановиться на ночь. Обе комнаты с кроватями были заняты, поэтому разместился на лавке в большой комнате ожидания.

Ехать по незнакомой дороге потемну очень опасно. Можно не только на разбойников нарваться, но и не заметить препятствие или напороться на торчащий сук. Уж лучше переночевать в забитой под завязку почтовой станции, чем строить шалаш и сидеть у костра, отпугивая комаров.

— Эй, парень, можно рядом с тобой разместиться? — слышался голос над самым ухом.

Я только прикорнул, подложив под голову свои вещи, которые не осмелился оставить привязанными к седлу. Пепельная была в общей конюшне, поэтому любой мог подойти и забрать мешки и рюкзак.

Приоткрыв глаза, увидел над собой тщедушного мужичка в красной вязаной шапке и в дорогом сюртуке явно с чужого плеча.

— Можно, — выдохнул я, поднялся и, переместив вещи на другую сторону лавки, прислонился к стене. Ну вот, поспать не удалось. Жаль, а то так сладко задремал после бессонной ночи и целого дня пути.

Мужичок опустился рядом, снял с плеч холщовую котомку и, раскрыв ворот, начал вытаскивать свертки. Развязав один из них, продемонстрировал кусок сала с плотными про-

жилками мяса.

— Тебя как зовут, молодчик? — спросил он и, достав из сапога нож, принялся нарезать сало тонкими ломтиками.

— Степан.

— О, хорошее имя. Моего батю Степаном звали. А меня все кличут по прозвищу — Зяблик, — он улыбнулся, обнажив гнилые пеньки зубов.

— Зяблик? И вы не обижаетесь? — удивился я.

— Чего ж мне обижаться, если фамилия у меня Зябликов? А имя сложное, не каждый запомнит... Аполлинарий.

Он нарезал половину куска сала и развернул следующий сверток, в котором оказалась буханка черного хлеба. У меня от запахов и вида еды засосало под ложечкой. Семен положил мне с собой поесть всё, что нашёл в доме, но я так устал, что решил подкрепиться утром, однако теперь я просто захлебывался слюнями. Кроме крынки молока с хлебом за весь день ничего не ел.

— Ну, чего сидишь? Угощайся, — предложил Зяблик, взял кусок хлеба, сверху положил сало и протянул мне.

— Спасибо, — я не стал отказываться и с удовольствием откусил угощение.

Перченное сало с легким ароматом чеснока было просто восхитительно. Хлеб — с едва уловимой кислинкой и горьковатой коркой. В общем, сам не заметил, как все умял.

— Сало сам солю. Каждую осень покупаю у соседа половину его пороса и засаливаю. На весь год хватает. Мне много

не надо. Один живу.

Тем временем он раскрыл остальные свертки, в которых оказался репчатый лук, вяленая морковь и сухари с сахаром.

— Эй, Любушка, горячего чайку не найдется для уставших путников? — махнул рукой Зяблик молодой женщине, которая вышла из кухни и собирала грязную посуду с опустевшего стола.

— Три копейки, — ответила она и смахнула крошки на пол.

— А бесплатно?

— Бесплатно только дураки суются туда, где их не ждут, — ответила Любушка, прихватила посуду и двинулась в сторону кухни.

— Хотя бы кипяточка налей, — взмолился мужичок. — Я даже твою посудку пачкать не буду, своя имеется.

С этими словами он вытащил из котомки помятую оловянную кружку.

— Принесите две кружки чая с сахаром. Я заплачу! — выкрикнул я и полез в карман за мелочью, но там осталась лишь одна монета в две копейки.

Женщина исчезла за дверью кухни и вскоре явилась с подносом, на котором стояли две глиняные кружки. Я же полез в рюкзак, где на самом дне лежали деньги. Взяв про запас побольше монет и несколько мелких купюр, расплатился с женщиной, а остальное убрал в карман.

— Вот спасибо тебе, братец. Крепкий и сладкий — как я

люблю, — хлебная горячий чай, сказал Зяблик.

— Это в благодарность за сало, — ответил я и прислонился к стене, чувствуя, как веки наливаются свинцом.

Усталость брала свое, поэтому я не заметил, как заснул. Снилось мне длинная дорога, которой не было конца. Будто я все иду и иду, но никак не могу дойти до нужного места.

Проснулся от топота сапог, разговоров и звука отодвигаемых стульев. Те, кто ночевал в комнатах, вышли на завтрак. Кухарка, на этот раз уже другая, быстро разносила тарелки с горячей кашей и каждому предлагала сыр и вареные яйца за отдельную плату.

Потянувшись, осмотрелся и увидел, что Зяблика рядом нет. Скорее всего, проснулся раньше меня и уже двинулся в путь. Кстати, куда он шел? Кажется, я даже не поинтересовался, куда он направлялся.

— Есть будешь? — спросила у меня кухарка.

— Буду, — кивнул я, понимая, что еще не скоро представится возможность поесть горячего.

Полез в карман за деньгами, которые вчера достал из рюкзака, но их не оказалось. Странно, я прекрасно помню, что вытащил больше, чем надо было, и положил в карман.

— Не задерживай. Видишь, сколько людей, — поторопила меня кухарка.

— Сейчас, — я повернулся к рюкзаку, который лежал рядом на лавке, и недоуменно остановился.

Ни рюкзака, ни мешков — моих вещей нет.

— Ну чего ты там? — раздражалась женщина.

— Кажется, меня обокрали, — процедил я сквозь зубы, сжал кулаки и еле слышно добавил: — и, кажется, я знаю, кто это сделал... Зяблик.